

Михаил Фридман

СИЛА ЛЁГКОСТИ

Притязания и предпочтения

**Москва
2011**

УДК 82
ББК 84

Фридман М.Ф. Сила лёгкости: Притязания и предпочтения. – М, 2011. – 32 с.

В оформлении обложки использован портрет М.Ф.Фридмана работы художника **Раисы Арефьевой** /www.artraisa.ru/.

На титульном листе использован рисунок **Павла Соболева**.

Оформление дизайнера **Андрея Беспалова**

© **Фридман М.Ф., 2011**
© **Арефьева Р., 2011**
© **Соболев П., 2011**
© **Беспалов А., 2011**

Глубокая эмоциональная привязанность.
Ни одной мысли не о тебе:
В снах – ты, в грёзах – ты,
Наяву – я... один.
Непреодолимое желание нежности.
Несу твою душу в ладошке:
Осторожно,
Чтобы не уронить – разобьётся,
Чтобы не задуть – погаснет.
Слабость, делающая меня сильнее.
Сила молчания дороже золота.
Необузданные фантазии,
Неоправданные желания –
Букет эфемерных надежд.
Я хотел поставить их тебе в вазу,
А положил себе на могилу.
Помяни меня тяжёлой слезою,
И пусть она перевесит
невесомую судьбу-печаль.
В нас течёт история разных народов,
В нас живут завоевания усопших.
Мы сосланы сюда с разных планет.
Земля – чистилище,
Пристанище заблудших,
где все знают,
что жизнь единственная,
и каждый чувствует, что не последняя.
Когда ты меня целуешь,
происходит Большой взрыв:

старый Бог умирает –
новый Бог рождается,
А бабочка моей души
Трепещет во всемирной паутине.
В страсти моей сгорают все мотыльки
надежды.
Расточаю молчание щедро:
Заговор обречённых, таинство
обручённых.
Между нами вечность мгновения ока –
Между нами – сон.

Когда-нибудь настанет этот день:
Ты будешь не внимать, а просто слушать,
Ты будешь не вкушать, а просто кушать –
И Богу будет вмешиваться лень.

И я напьюсь – отчаянья напьюсь!
Нет! Я тебе уже не интересен.
И мой огромный мир тебе стал тесен.
Решать, кто прав из нас, я не берусь.

Да только вот не за горами час,
Когда ты отречёшься от распятья,
Мы друг для друга распахнём объятья,
Но будут я и ты – не будет нас!

Сердце ноет, мозг гудит –
Немы боги.
Их секрет в моей груди
Носят ноги.

Кто замылил пузырьки –
Тьма ли, свет ли?
Память – ныне узелки,
Были – петли.

Сам я песню затянул
Ниткой рока.
Всем, кто Бога обманул,
Одиноко.

В лабиринтах бытия
Мудрых много.
Я уверен в том, что “Я” –
Имя Бога.

Поверь, мой друг, на мне проверено:
Ищи и обретёшь свой идеал,
Входи туда, куда никто не звал,
И если жизнь тобою не потеряна,
То ты в ней ничего не потерял.

У каждого есть свой укромный уголок,
Который никому невидим и неведом.
Налево от души три дня брести за бредом –
С Кудыкиной горы
над бездной правит Бог.

Там собственная Тень
внушает страх и ужас –
Кому же, как не ей, знать все мои грехи?
Катаясь по земле и, что есть силы, тужась,
Горячка рвёт талант на песни и стихи.

Бесправный лилипут
по-детски беззащитен,
Наивен, одинок и очень уязвим.
Вы не найдёте зла в нём, сколько ни ищите
И сколько ни следите
с пристрастием за ним.

Там есть огромный пруд
с зеркально-чёрной гладью,
Который видит то, что мы не видим в нас:
Не обнимаемся – а прячемся в объятья,
Чтоб не раскрыть себя,
мы прячемся от глаз.

В Кудыкиной горе есть тёмная пещера:
Там любопытство спит –
голодный людоед.

Его разбудит вмиг моя слепая вера
В мой бесконечный путь и в то,
что смерти нет.

Ах, боже, это ж Вий – ему подняли веко,
Чтоб хоть одним глазком
на дурня посмотреть.
Он смотрит на меня и видит человека,
Что ненавидит жизнь и презирает смерть.

Я бью ему челом в почтении глубоком –
Ни трепета в груди, ни тремора в руках.
По контуру меня обвёл он мутным оком.
Он лихо, он живёт в своих м-учениках.

Когда придёт пора, я выйду из пещеры
И, прыгнув со скалы, взлечу и кану прочь.
И вздрогнут и вздохнут Диана и Венера.
Когда сомкну глаза, тогда и будет ночь.

Пока не пробил час,
чтоб встрепенулся идол
Укромный уголок мой у меня отнять,
Пока я суетой в глазах себя не выдал,
Любимый человек, позволь тебя обнять!

Сердце не умеет притворяться,
Бьётся с чувством юмора всю жизнь.
Бог! Хоть на мгновенье покажись!
Стоит ли на вере разоряться?

Стоит ли надеяться на рай?
Опасаться страшных казней ада?
Надо быть святым или не надо?
Верь, не верь – а с верой не играй!

Сердце – индикатор на мораль,
Сердце знает правила и нормы,
И ему внимаем до сих пор мы –
Как сладка вселенская печаль!

Хочется ещё раз обмануться,
В пафосе забыть про миокард,
Выплеснув молчание в апарт.
Тем, кому смешён я – пусть смеются!

Всю жизнь слежу за тем,
 как человек стареет,
Как умирает дед, как вырастает внук,
Как с каждым годом жизнь
 проносится быстрее
По кругу прямо вверх –
 жизнь размыкает круг!

Высокая спираль: от нас и до Адама!
Ни Вавилонский столп,
 ни пики снежных гор –
Ничто не превзойдёт пути из ямы в яму,
В который нас вовлёл естественный отбор.

Бескрайняя стезя борьбы любви и смерти,
И первый человек, по имени Харон,
На лодочке плывя, видал, как тонут черти.
Смогу ль удрать я со своих же похорон?!

Ровесники отца и матери стареют,
Иных давно уж нет, другие ждут – вот-вот.
Ни марочный коньяк,
 ни шубы их не греют –
Боятся,
 вдруг придёт последний Новый год.

Старушек красит хна, а стариков – седины:
Я в зеркале своём увидел старика.
“Вам, дедушка, чего? Понять у середины,

Что первые сто лет земная жизнь легка?..

Старик, охолопись! Тут каждому несладко:
И тем, кто верит в Верх,

и тем, кто просто ждёт;

Сопливым сорванцам и дряхлому остатку –
Одним легко стареть, другим – наоборот”.

Безудержны года, легко желтеют книжки,
Часы не повернуть ни в сторону, ни вспять,
А я смотрю в толпу,

на жизнь с подзорной вышки,

На то, как гонят жизнь,

пытаясь жизнь догнать.

Эта скатерть помнит всё, что было

Съедено и выпито до дна.

Это память красного пятна

В трудоднях хозяйственного мыла.

Эту скатерть испугать нельзя:

Репутацию её пятнали

Карри, сацебели и ткемали,

А в пяти местах прожгли друзья.

Смотрит, вопрошая, словно паперть,

Зная толк в закуске и вине.

Я не убираю эту скатерть –

Ведь она всё знает обо мне.

Не знаю, почему, но хочется влюбиться
В ещё одну печаль, в ещё одно нельзя,
В ещё одну мечту, которой не случится –
В ещё один тупик меня влечёт стезя.

Как хочется вкусить
 тоску ночных бессонниц
И расспросить луну, за что мне эта боль?
Как много у меня ликующих поклонниц!
Как тяжела для них печальная юдоль!

Одним нужны стихи,
 другим – интимный ужин.
Одним нужны слова, другим нужны дела,
Но ни одной из них не нужен я – не нужен!
Знакомство – это знак: не зря судьба свела.

Мелькают города, мелькают дни и лица.
Страсть беспробудно жжёт –
 ну, как ей доверять?
Не знаю, для чего, но хочется влюбиться –
Наверное, чтоб знать, что есть, чего терять.

Где-то там, в пещерах Кара-Дага,
Где когда-то бушевал вулкан,
Страх от любопытства прячет мага:
“Чёртов палец” – компас-истукан.

Этот маг не всеми виден в профиль,
И не отовсюду разглядишь.
Перед ним смущался Мефистофель,
Уходил в аскеты нувориш.

Он в хитоне с посохом кочует
По ущельям, пикам и хребтам,
В гротах с одиночеством ночует,
Явь доверив акварельным снам.

Охраняют берега бакланы,
Чайки – небо, а медузы – дно.
Летаргичен крепкий сон вулкана
Там, где море Чёрное черно.

Солнцу в золотых воротах тесно,
И русалке мелочь не поднять,
А Нептуну даром интересно
Глупые желанья исполнять.

Он трезубцем мелочь размещает –
Волны разбегутся кто куда.
Думает, волнуется, решает –
Неожиданно и навсегда.

В киммерийских сумерках тускнеет
Красочный таврический пейзаж.
Ртутью, нефтью ли вода чернеет,
Только маг – не призрак, не мираж.

Кара-Даг – и есть его обитель:
Никому на гору не залезть.
Я не лазил, но его там видел:
Этот маг на самом деле есть!

На чтоб вы ни смотрели, вам смешно.
Охота ли смеяться, сидя в клетке?
Вас водят за нос, вы марионетки:
“Что воля, что неволя – всё равно!”

Весёлые за смехом прячут страх,
Играя в жизнь, в которой понарошку
Любовь и Смерть, где орден – это брошка,
Где совесть достаёт в кошмарных снах.

Не тычьте пальцами в меня хоть раз!
Я вижу вас насквозь, хоть и не Ванга.
И прекратите звать “орангутангом” –
Нарочно я не стал одним из вас!

Андрею Руденскому

А если не смеяться, будет грустно,
И будет страшно, если не шутить.
И не запомнить страх, и не забыть,
Ведь без эмоций жить совсем невкусно.

У времени – слепое помело,
Я сморщю память сладким черносливом.
Кому не удаётся быть счастливым,
Тому несчастным быть нетяжело.

Мне кажется, что мир сошёл с ума:
В нём шарлатан и фокусник – пророком.
Я думаю о пращуре далёком,
Ведь каждый ген мой – след его клейма.

Я деградировал: пел – говорю,
Теряя зёрна смыслов, а не сея.
Когда от грустных мыслей облысею,
Пойму, что путь его не повторю.

Но что есть Время, если не ограда,
Что отделяет помыслы от снов?
Широких жестов, как и громких слов,
Грядущему от прошлого не надо!

Я перед миром бисер не мечу,
Покуда знаю, что мой бисер мельче.
О, мир! Он на три четверти из желчи –

Я от него ни капли не хочу.

Последней букве сколько можно якать?
Безмолвной тишине охота выть.
Я не могу смеяться и шутить
Над истиной – так как же мне не плакать?!

Перепись населения, перепись водорода,
Инвентаризация мёртвых душ.
Демократические ценности и свободы!
Глухие сумасшедшим играют туш.

Треть из нас торгует, треть из нас ворует,
Всех нас охраняет оставшая треть.
Телевизор пошлой наивностью чарует –
Не расфокусировать и не подсмотреть.

Сколько вас осталось,
 солдаты *Урфинджуса*?
Сколько вам досталось, герои мелодрам?
Чётки мысли, чётки!
 Чётки – в смысле, бусы.
Праведники хором воздвигают храм.

Я чувствую, как я схожу с ума,
Жрец противоестественной науки,
В оркестр жизни запускаю руки,
Чтоб расступились тишина и тьма.
Я, не касаясь, оживляю звуки.

Серьёзность жизни даже мне смешна,
Смешно, за что брат убивает брата.
“Поэзия должна быть глуповата...” –
Скажи, кому поэзия должна,
Сперва прикинув, чем она богата?

Твои мне недостатки неважны:
Не загибая пальцев, перечту их.
Протиснусь в быстрокрылую мечту их,
Где маленькие глупости смешны,
Где плоть изнемогает в поцелуях.

Судьба – один большой переполох,
Он весь из эпизодов и мгновений.
Впишу в дневник
 пристрастных наблюдений
Все невидали с былями – как лох.
Хочу уйти, но не ищу ступеней.

В дыхании втором – последний вздох.
Уйду, сойдя с ума. Я Бог – мне пох!

В моей душе, где спутаны тропинки,
Где в паутине бесится печаль,
Проснулась нежность
 в маленькой кувшинке,
Жонглируя цветами, как хрусталь.

Одних благоухание чарует,
Других тот запах бьёт с размаху в нос,
И вдохновение покой ворует,
И выжимает истину до слёз.

Смотрю, как смелость,
 прыгает над бездной,
Меня зовёт космическая тьма,
И я самозабвенно и помпезно
Спускаюсь с трона горького ума.

Не всем дано поцеловать рукою,
Я ласками выуживаю “да”,
Ведь только нежность вечного покоя
Не слышала отказа никогда.

Мне так плохо, что я сам не знаю,
Есть ли прок от жалости к себе.
Верю в то, что вижу из окна я,
Обретя смирение в мольбе.

Упырями в галстуках терзаем,
Со стереотипами борюсь.
Почему, кочевники, не знаем,
На черта нужна нам эта Русь?

Нет у человека оправданий:
Слишком рано встал примат с колен
Жить на побегушках у желаний,
Тратя эту жизнь на ржу и тлен.

Хочу отведать Вашей ласки,
Но не десертно – допьяна!
Хочу коснуться без опаски
Обузданного Вами сна.

И в сериалах сновидений
Спалить сценарий Ваш дотла,
Расслышав, как стенает гений
В тени летящего орла.

Вопьётся в душу взор мой карий
На счастье или на беду.
Я Вам оставляю свой сценарий
И, выпив нежности, уйду.

Как много потеряно времени в прошлом!
Прозренья всегда норовит опоздать.
И кажется прошлое ушлым и пошлым:
Всё есть, только хочется что-то создать.

Любимая! Уж не терпёж за другого?
Ты выйдешь и счастье моё разобьёшь.
Не с первого взгляда – так с первого слова:
Признания мысль изречённая – ложь!

Возможно ль прожить
 без упущенных выгод?
Довольно! Пустите меня в тишину!
Спрессую себя в Голубиную книгу,
В седьмой материк и вторую луну.

Осень: смайлы падают неспешно
С веток, обнажающихся врозь.
Пьяный дождик плачет безутешно,
Прошибая жалостью насквозь.

В каждой жилке листовой пластинки
Видится грядущая зима.
Окропляя пыльные ботинки,
Дождик сходит медленно с ума.

Альвеолами вдыхаю всеми
Бога – свят: его вода чиста.
И кристально застывает время
В мимике упавшего листа.

Для чего мне это только надо –
Прикасаюсь к истине рукой?
Кто я здесь? Нет, кто я здесь такой,
Чтобы рай считать изнанкой ада?!

Мир – окружность четырёх углов.
Самоедство искреннее иска.
В мыслях – высоко, в поступках – низко
Генератору случайных слов.

Пальцами прочту тебя по Брайлю,
По карманам рассую слова.
Истина молчанием жива,
Но и ту словами мы разграбили.

Истина – морзянкою сердец.
Мир потребностей – казённый нужник.
Нет, какой из неслуха послушник?!
И какой из неуча мудрец?!

Для чего мне это только надо –
Прикасаюсь к истине рукой?
Истина дороже, чем покой:
Буду битым – я в изнанке ада.

В густой печали ложка дёгтя вязнет,
Воспоминанья-похоронки мну,
Засеиваю смыслом тишину –
Мечта безжалостно зовёт и дразнит.

Самодостаточный всегда один,
Неполноценных – вдвое-втрое боле,
Им завещу логины и пароли
Расставленных судьбою паутин.

Как огорчает разочарованье!
Несостоятельность иллюзий – блеф!
Принцессы матереют в королев.
Без встречи не бывает расставанья!

За гранью веры счастья не найдёшь.
Рукой толкает ветер смерти в спину,
И с ним уходит человек-былина
Навечно: в быль, в легенду, в миф...

И В ЛОЖЬ.

Неохотно люди расстаются
С барахлом утраченных страстей.
Люди вырастают из детей,
Мёртвые над смелыми смеются.

Жизнь – коктейль запарок и прохладец:
Бесполезно постигать азы.
О, мечта – счастливый туняедец!
Грусть – пейзаж скупой мужской слезы.

Совість неговорчивой девчонкой
“Нет” ответила на все мольбы
И лягнула так локтём в печёнку,
Чтоб я вздрогнул от своей судьбы.

Жизнь: Внимание живёт секунду,
Память-скряга – ростовщик легенд,
В заговоре обречённых – хунта:
С импотентом спорит импотент.

Ева катит яблоко по блюдцу:
Память – тень ночная от вчера.
Неохотно люди расстаются
С барахлом отжившего добра.

В этой жизни так непросто выжить!
Просто жить – и то непросто в ней.
Норовит она все соки выжать:
Чем сочнее жизнь, тем жмёт больней.

Не гадаю на кофейной гуще –
Дурью маюсь: растворимый пью.
Не молюсь в слезах на сон грядущий,
В муках продлевая жизнь свою.

Одному прожить на свете проще:
Сколько нас – мы тут по одному.
Хором на несправедливость ропщем,
Зная и не зная, почему.

Счастье и печаль – родные братья:
Вот о чём молчит моя рука.
Облачи меня в свои объятия,
Убедив, что жизнь твоя легка.

Заметь, когда мне хорошо – я плачу,
Когда мне очень плохо – я шучу.
Не думаю, что мне пора к врачу –
Я просто вижу этот мир иначе.

Мне некуда убрать смущённый взгляд,
Которым гордый силуэт просверлен.
Всё время вместе, как Артур и Мерлин.
Но как меня все добренькие злят!

Зачем они? Без них тут было б чище! –
Но их кукушке долго куковать.
Бессилен я, прости меня, дружище,
Что я их не могу расколдовать.

Прости меня за то, что взор свой прячу –
Мне крылья ангела не по плечу.
И если плохо мне, то я шучу.
А если очень хорошо, то плачу.

Земля полна секретов, о которых
Торопятся поведать нам бутоны,
И в голове роится мыслей ворох,
Из пережитков делая законы.

Никто себе бессмертия не купит –
Никто: ни великан, ни лилипут.
Но каждого из нас тут кто-то любит,
И каждый для чего-то нужен тут.

Жизнь кажется короткой, но, по сути,
Её довольно, чтобы всё успеть:
Родиться и красиво жить при смуте,
И, мучаясь, красиво умереть.

Я лягу под рубинами рябины –
Секрет, ушедший в землю налегке.
И расцветут цветы неразлюбина
На маленькой могиле в цветнике.

Мелочи, подробности, детали –
Вот инструментарий бытия.
Уникальность не они ль создали?
Не она ль у каждого своя?

Жаль, её не ценим до сих пор мы,
Затаив неравенство своё:
Сами устанавливаем норму,
Чтобы отклоняться от неё.

Не до откровений, не до лоска:
Всех запомнить трудно – это дар!
В каталоге головного мозга
Каждому завёл свой формуляр.

Каждому завёл свою страницу –
Не досье: моя душа чиста –
Чтобы каждый мог переродиться
Вновь, внезапно, с чистого листа.

Сокровенность сделать откровенной,
Чтоб застряла истина в зобу,
И собрать все мелочи вселенной
В самую счастливую судьбу.

Кто мне задирает кверху нос,
Ухмыляясь, опускает веки?
Кто всегда вопросом на вопрос
Ищет недостатки в человеке?

Кто не замечает никого?
Кто дрейфует по душе на льдине?
Удивительное существо
С мимикой от жёваной полыни.

Я добром кормил его из рук –
Раскормил на собственную шею,
Пересилил сотни разных “вдруг”,
Непростительно с ним хорошея.

Знать бы, что во благо, что назло –
Сложен лабиринт ладонных линий.
Совість знает, как не повезло
Мне, скромняге, со своей гордыней.

А кто из нас не состоит из кнопок?
Нащупать нужную – не всем дано!
Включай документальное кино,
Сюжет которого дремуч и топок.

Нажми на кнопку – побежит слеза,
Нажми другую – будет исступленье,
На третью – боль, четвёртую – сомненье,
Что образы святых, чем образа.

Настрой сознание на нужный лад,
Смерть вытесни – нет, вынеси за скобки.
Зайдясь, перебирай вслепую кнопки:
Жизнь – Windows, мои окошки в ад!

У каждого душа – клавиатурой.
Я пью печаль, ликуя и ворча:
Не чача это – это ча-ча-ча.
Душа! Полна? Не будь набитой дурой!

Я всеми пальцами ищу аккорд –
Концерт для одиночества с оркестром!
Моя душа – невидимый маэстро,
Её портрет с пюпитром – натюрморт.

Добро не появляется извне,
Я жму на кнопку, вызывая жалость.
Мне важно, чтоб добро не прерывалось,
Тем паче, чтоб не прервалось на мне.

Вся жизнь – в чередованье дыр и штопок.
Меня уже ничем не поразить:
Я баловался каждой из кнопок,
Хоть и не смог жизнь переагрузить.

Ты из тех, с кем хочется обняться,
Бросив стойку, позабыв приём.
Жизнь, в которой нужно постараться
Затрофеить истину живьём.

Я гадаю на рукопожатьях
По разряду при касанье рук.
Не могу от счастья не дрожать я,
Если руку жмёт мне лучший друг.

Никакой резиновой печати
Не направить ощущений вспять!
Многие бросаются в объятия –
Ты из тех, кого хочу обнять!

Наши узы крепче крови братства,
Но уныния мне не унять.
Дружба – это честное богатство:
Можно выкрасть, но нельзя отнять!

Оракул нем, пророк!
И мне не до пророчества!
Смертельно одинок
И жажду одиночества.

Душна мне теснота,
Я мучаюсь вопросами
О том, что неспроста
Мы умираем босыми.

Кто спустится за мной
В пернатом облачении?
Я утром встал хромой,
Но не предал значения.

Пусть гроздьями огня
Займётся куст пророчества!
Не убеждай меня
Расстаться с одиночеством!

Кому и рай – острог!
Что в нём душа вчеракала?
Оракул нем, пророк –
Я спрашивал оракула!

В томике усопшего поэта
Дух неугомонный душу рвёт –
Кто его захлопнул в переплёт?
Кто лишил читающего света?

Поместил слова в калейдоскоп,
Крутит в трубке их двумя руками,
И слова становятся стихами,
От которых слёзы и озноб.

Открываю книгу: мыслей стая
Пролетает таинством для двух,
И читаю я, стихи читаю,
Чтобы вызвать, вызволить тот дух.

Потратить жизнь, единственную жизнь
На бесполезное – смешно и слёзно!
Всё понарошку в ней, всё несерьёзно:
Поймёшь – потом попробуй откажись!

У времени негоже брать взаймы,
Не отмеряют веру по мензурке.
Ни с богом в дурака, ни с чёртом в жмурки!
Надеюсь, свет всегда сильнее тьмы.

Я изношу до нервных клеток плоть –
Не душу: та в одну печаль одета.
Прав Космос: тьма всегда сильнее света –
И страх погаснуть не перебороть!